

Императорская Фамилія въ Крыму.

Всѣмъ извѣстно, что Оріанда, прекрасное прибрежное имѣніе въ 7 верстахъ отъ Ялты, приобрѣтено было покойнымъ Императоромъ Александромъ I, который можетъ быть мечталъ проводить въ немъ осенніе мѣсяцы; но этого не случилось. Доставшись Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, по приказанію которой воздвигнуть былъ здѣсь прекрасный трехъэтажный дворецъ, имѣніе это въ концѣ концовъ досталось Вел. Кн. Константину Николаевичу, котораго Государыня очень любила и вся Россія считала за гениальнаго и образованнѣйшаго человѣка. Естественно, что Императору Александру II и остальнымъ братьямъ также желательно было имѣть въ этомъ прелестномъ уголку свои дачи, но такъ какъ лучшія изъ нихъ принадлежали уже аристократамъ, не имѣвшимъ надобности продавать ихъ, то приобрѣтеніе ихъ откладывалось до удобнаго времени. Такое время представилось послѣ смерти графа Потоцкаго, владѣльца Ливадіи, который большинствомъ проводилъ лѣто здѣсь и любилъ Россію настолько, насколько жена его ненавидѣла эту страну. Графиня Потоцкая не замедлила предложить Государынѣ Императрицѣ (въ 1860 г.) имѣніе это и запросила за него 250 тыс. За эту ли сумму или дешевле состоялся договоръ, но Ливадія съ инвентаремъ приобрѣтена была въ томъ же году. Имѣніе это состояло изъ большого виноградника, который сохраняется до настоящаго времени, изъ дома, который отчасти перестроенъ

и служилъ помѣщеніемъ покойнаго Государя съ супругою и дѣтьми, оранжереи и двухъ, трехъ домиковъ; все остальное пространство составляло сѣнокосы и лѣсныя гущи. Первымъ управляющимъ назначенъ былъ Калбасянъ, а для перестроекъ и новыхъ сооруженій командированъ былъ профессоръ архитектуры Монигетти. По представленіямъ этихъ распорядителей открылись въ Ливадіи безкончныя работы и въ то же время приступлено было къ перестройкѣ двухъ домовъ въ Ялтѣ ¹⁾. Естественно, что министерство удѣловъ не щадило денегъ и отлично вознаграждало дальновиднаго итальянца, не презиравшаго никакими способами для важны. Такимъ образомъ въ Ливадіи, поглотившей 2—3 милліона, не явилось ни одной постройки, которая по архитектурѣ и солидности превосходила барскій домъ Потоцкаго. Не дурно вышла только придворная маленькая церковь съ византійскими орнаментами и живописью.

При всей поспѣшности работъ къ предположенному пріѣзду Царской Фамиліи въ будущемъ году, въ Ливадіи сдѣлано было очень немногое, но, несмотря на это, официально сообщено мѣстнымъ властямъ о рѣшенномъ уже въ Петербургѣ переѣздѣ Августѣйшей Семьи на осенній сезонъ въ Ливадію.

7-го августа 1861 г. прибылъ въ Оріанду Вел. Кн. Ковстантинъ. При проѣздѣ его чрезъ Байдарскую долину, обитатели которой враждебно относились къ намъ при занятіи этой мѣстности англо-французами въ Крымскую кампанію, изъ желанія пустить передъ нимъ пыль въ глаза, устроили торжественное молебствіе о здравіи и долгоденствіи Царствующей Фамиліи, послѣ чего кланялись и забавляли Его Высочество различными играми. Изъ всѣхъ представившихся къ нему обращалъ на себя вниманіе высокій стройный старикъ лѣтъ 85-ти, казакъ, Ваптъ, съ нѣсколькими медалями на шеѣ и значкомъ за отечественную войну. Этотъ татаринъ, искренно преданный Россіи, съ 1812 года участвовалъ во всѣхъ битвахъ нашихъ съ французами при казацкихъ отрядахъ, а во время осады Сева-

¹⁾ Одинъ изъ этихъ домовъ занятъ мужскою гимназіею, а другой отдается въ наемъ.

стополя служилъ волонтеромъ и указателемъ горныхъ тропинокъ нашимъ войскамъ ¹⁾).

Вел. Кн. Константиць, говорящій не дурно по-турецки, выразилъ свое удовольствіе нѣсколькими татарскими фразами и поѣхалъ дальше. У Байдарскихъ воротъ его пригласилъ исправникъ Зофиropуло къ приготовленному завтраку, состоящему изъ форели, пойманной у истока Черной рѣчки при разоренной деревнѣ Скеля. Константиць Николаевичъ пробылъ въ имѣніи своемъ 5 сутокъ и выѣхалъ обратно на Севастополь.

Выѣздъ Государя съ Августѣйшимъ семействомъ изъ Петербурга для тѣхъ, кто слѣдилъ за газетными сообщеніями, представляетъ замѣчательное явленіе народной преданности. Всѣмъ извѣстно, что въ то время у насъ не было желѣзныхъ дорогъ и державнымъ путешественникамъ приходилось ѣхать на лошадяхъ и останавливаться на каждой почтовой станціи, куда заблаговременно стекались окрестные крестьяне съ хлѣбомъ-солью, чтобы ударить челомъ властителю, снявшему съ нихъ и дѣтей ихъ невыносимыя оковы рабства. Поднося эти дары съ слезами неизъяснимой радости и разстилая чистыя и лучшія полотенца подъ ноги Освободителю своему, эти бѣдняки сами вирягались въ царскій экипажъ, и если бы имъ дозволено было, то отъ Москвы до Крыма Его Величество проѣхалъ бы на плечахъ благодарныхъ подданныхъ. Такого народного желанія и такой истинной благодарности миллионовъ людей намъ не представляла исторія ни единого царя, и естественно, что съ этого времени Императоръ Александръ II долженъ былъ занять величайшее положеніе въ спискѣ благотворителей и филантроповъ земли.

Тѣмъ временемъ въ Ялтѣ установлена окончательно телеграфная станція, окончень бульварчикъ вдоль набережной, увеличена городская пристань и начата гравитная плотина вдоль дороги, идущей на Ливадію, которую постоянно портили морскіе прибой; прибыли въ почетный караулъ рота Брестскаго полка съ эскадрономъ казаковъ. Все было готово къ приему Августѣйшей Фамиліи къ 22 му августа. 24-го числа прибыли въ Ялту два военныхъ паро-

¹⁾ После Крымской войны, казакъ Вантъ, какъ бездѣтный, терпѣлъ ужасную бѣдность. Татары не любили его и всегда совѣтовали съ намишковымъ искать пособія у русскаго правительства. Впоследствии, когда онъ ослѣпъ, жена его вынуждена была, показывая регаліи мужа, выпрашивать у христіанъ подаваніе.

хода „Турокъ“ и „Пицунда“ съ царскими вещами, прислугою, фельдъегерями и казаками собственного конвоя Его Величества.

Получено извѣстіе что Государь прибылъ въ Севастополь, откуда, по осмотрѣ Херсонеса, не раньше какъ къ 2-мъ часамъ завтра пожалуетъ въ Ливадію. Естественно, что вѣсть эта подняла на ноги всю полицію и всѣхъ домовладѣльцевъ г. Ялты, начали бѣлить дома, подметать улицы, отдавать приказы лавочникамъ, содержателямъ питейныхъ заведеній и т. п.

Вслѣдъ за тѣмъ узнали, что Его Величество, пожелавъ ознаменовать первый пріѣздъ свой въ Крымъ основаніемъ важнаго для имперіи памятника въ Херсонесѣ, задуманнаго еще Императоромъ Александромъ I, 23 августа своеручно положилъ первый камень въ фундаментъ громадной церкви вокругъ развалинъ древняго храма во имя Рожд. Пресв. Богородицы, гдѣ крестился Вел. Кн. Владиміръ, озарившій евангелическою истиною Русскую землю. При чемъ отдалъ приказаніе перенести сюда изъ малой церкви Зимняго Дворца часть мощей Св. Владиміра и отпустить 111 пуд. мѣди для отлитія перваго колокола.

На слѣдующій день въ сказанное время, несмотря на вѣтреную и дождливую погоду, Государь съ Августѣйшею Супругою Марією Александровною и младшими дѣтьми: Марією Александровною, Павломъ и Сергіемъ Александровичами прибыли въ Ливадію съ небольшою свитою и къ удивленію всѣхъ отлично размѣстились въ небольшомъ домѣ Потоцкаго. Гдѣ и какъ поселились приближенные трудно было опредѣлить. Распорядителемъ по хозяйственной части былъ какой-то Миллеръ. Лейбъ-медиками Карель и Гартманъ. Въ число послѣднихъ былъ приглашенъ и медикъ, состоявшій при графѣ Потоцкомъ, вѣроятно, въ качествѣ врача, знавшаго мѣстныя климатическія влѣнія, и именно описанный мною докторъ Петерсъ.

Въ тотъ же день узнали, что завтра, 26 августа, Его Величество по случаю празднованія коронаціи и венчанія въ Ливадіи церкви посѣтитъ Ялту, гдѣ будетъ слушать божественную литургію. Надо знать, что въ то время Ялтинскій храмъ былъ на половину меньше и настоятелемъ его былъ протоіерей Василій Сердюковъ. Ни дьякона, ни пѣвчихъ не было.

кузнецомъ въ деревнѣ Никитѣ. Надо знать, что у татаръ всякое ремесло считается почетнымъ, въ особенности, если ремесленникъ исполняетъ его добросовѣстно, а такъ какъ Мустафа всегда дѣлалъ хорошія подковы и крѣпкіе гвозди и не требовалъ отъ бѣдныхъ немедленной уплаты денегъ за своеручные труды, то къ нему всѣ относились какъ точному исполнителю заповѣдей Магомета. Правда, нѣкоторымъ изъ строгихъ мусульманъ не нравилось въ немъ необыкновенное стремленіе къ дружбѣ съ христіанами въ предположеніи, что онъ желаетъ господствовать въ деревнѣ и служить гаурамъ шпиономъ. Лишь только выражено было это Мустафѣ, онъ распродалъ свои участки земли въ Никитѣ, бросилъ кузнечное ремесло и переселился въ Деревкой, гдѣ первый построилъ себѣ домъ въ нѣсколько европейскомъ вкусѣ. Чѣмъ онъ промышлялъ для существованія—трудно сказать. По словамъ однихъ, онъ участвовалъ въ откупѣ садовъ, по другимъ свѣдѣніямъ перепродавалъ лошадей, довольствуясь ничтожными выгодами, такъ какъ для татарскаго семейства, состоящаго изъ 5—6 душъ, въ то время предостаточно было 100 руб. Мустафа былъ небольшого роста, черноглазый, чернобровый и черноусый пріятный мужчина съ матовымъ отблѣскомъ на лицѣ. Въ его походкѣ, тѣлодвиженіи, въ глазахъ и тихой рѣчи такъ было много чего-то вызывающаго полное довѣріе, такъ много искренней почтительности, кротости и уваженія къ ближнему и въ особенности къ старшему, безъ примѣси униженія и другихъ недостатковъ, свойственныхъ людямъ съ задлыми идеями, что всѣ, кто однажды заговаривалъ съ нимъ, принималъ его за образецъ честнаго и нужнаго человѣка. Вотъ почему его полюбилъ съ перваго взгляда Государь Императоръ и всѣ придворные, которые обыкновенно боятся людей болтливыхъ и имѣвшихъ на умѣ личныя выгоды. При этомъ Мустафа очень хорошо понималъ, что наши вельможи любятъ блескъ, вслѣдствіе чего онъ приказалъ сдѣлать себѣ куртку съ золотыми галунами, приобрѣлъ шапку изъ лучшей мерлушки и вѣдиль на великолѣпнои иноходцѣ, котораго многія лошади не могли догнать на полномъ скаку. Кто обладаетъ такой лошадию, и теперь пользуется между татарами почетомъ, а тогда это возбуждало зависть даже и у состоятельныхъ помѣщиковъ, потому что хорошіе иноходцы послѣ эмиграціи татаръ составляли рѣдкость и требовали большой заботливости со стороны владѣльца.

Ровно въ 9 часовъ показалось облако пыли со стороны Ливадіи и раздался трезвонъ колоколовъ. Вслѣдъ затѣмъ подъѣхалъ къ церковной оградѣ татаринъ и опѣшившись сталъ у воротъ. Музыка заиграла царскій маршъ; солдаты вытянулись въ струнку, и всѣ глаза обратились къ воротамъ церковной ограды. Минуту спустя подкатилъ Государь въ легкой открытой коляскѣ съ флигель-адъютантомъ, красивымъ на видъ полковникомъ Рылѣвымъ, который заботливо снялъ съ Государя шинель. Въ это время музыка заиграла народный гимнъ: Боже, Царя храни, мотивъ котораго такъ хорошо пришелся по чувствамъ русскаго человѣка и дѣйствительно вызываетъ въ каждомъ изъ насъ какое-то восторженное умиленіе. Государь подошелъ къ командиру роты, командовавшему „на плечо“ и „каравулъ“ и принявъ отъ него почетный рапортъ, началъ что-то говорить.

Музыка смолкла по маповевію державной руки, и воцарилось такое молчаніе, какъ-бы вся природа хотѣла слышать голосъ вѣнценосца. Священникъ появился съ крестомъ у дверей храма. Тѣмъ временемъ подъѣхала вторая коляска съ Государынею Императрицею и маленькими: Марією Александровною, Павломъ и Сергіемъ Александровичами, въ средѣ которыхъ находилась княжна Долгорукова, въ качествѣ наставницы великой княжны.

Сойдя изъ экипажа, при помощи Августѣйшаго супруга, Государыня приложилась вмѣстѣ съ нимъ и дѣтьми къ кресту и съ видимымъ благоговѣніемъ вступила въ храмъ, кланяясь направо и налево, и заняла то мѣстечко по лѣвую сторону, на которомъ красовался новенькій бархатный коверъ и соломенное стуло. Ялтинская церковь тогда не имѣла излишнихъ средствъ на пріобрѣтеніе мягкаго кресла, а у жителей не принята была такая роскошь. Лишь только царствующая чета заняла свое мѣсто, отецъ Василій чистымъ и яснымъ выговоромъ началъ богослуженіе. При первомъ его возгласѣ Императрица опустила на колѣна и начала горячо молиться; дѣти послѣдовали ея примѣру.

Государь во все время обѣдни ни разу не оглядывался и при всѣхъ важнѣйшихъ возгласахъ становился съ супругою и дѣтьми на колѣна. Литургія длилась ровно 46 минутъ, т. е. столько времени, сколько опредѣлено было. Въ концѣ ея отъ Василія вынесъ Августѣйшимъ прихожанамъ просфоры и по установленію поцѣловалъ имъ руки, получивъ въ отвѣтъ то же самое.

Повернувшись къ выходу, Его Величество подошелъ къ брату графа Потоцкаго, стоявшаго въ камергерскомъ мундирѣ, и съ улыбкою пожалъ ему руку. Потоцкій явился въ Ялту раньше Высочайшаго пріѣзда и не разъ останавливалъ вниманіе многими эксцентричными женообразными выходками: во-первыхъ, онъ былъ старъ и дрожалъ, какъ запоздалый осенній листъ на деревѣ, всегда одѣвался самымъ изысканнымъ образомъ по послѣдней парижской картинкѣ и тщательно прикрывалъ свою плѣшь немногими остатками волосъ съ висковъ и наконецъ до того обливался ароматами, что приближеніе его слышалось за 10 шаговъ. Къ этому прибавьте страсть заглядывать въ глаза каждой молодой женщины и окружать себя собачками рыжей, чунтуковой породы, которыхъ онъ безпрестанно подымалъ и ласкалъ—и портретъ этого энциклопедиста будетъ вполне ярисованъ.

Царское вниманіе оживило Потоцкаго настолько, что глаза его завертѣлись, какъ у юноши, и онъ, кажется, долго не могъ успокоиться отъ такой чести.

Естественно, что при выходѣ Государя всѣ разступились съ почтительными поклонами и полагали, что дѣло обойдется безъ всякихъ событій, но въ это самое время изъ среды женщинъ рванулась какая-то высокая молодая женщина и, нагнавъ монарха, громко сказала:

— Ваше Величество, соблаговолите выслушать несчастную вдову полковника . . . фамиліи я не разблѣшалъ.

Идущій за Государемъ министръ двора, графъ Аддербергъ схватилъ дерзкую барыню за мантилью и хотѣлъ остановить, но она рванулась впередъ и вновь заголосила. Императоръ съ неудовольствіемъ оглянулся назадъ и ускорилъ свой шагъ. Это не скрылось отъ остальныхъ придворныхъ, которые вынуждены были пресѣчь дальнѣйшее движеніе полковницы и сказать ей, что просьбы и неудовольствія неумѣстно заявлять Императору у дверей трапа и что она можетъ во всякое время явиться въ Ливадію въ походную канцелярію, гдѣ ее выслушаютъ и сообщать Его Величеству по установленному порядку.

По отъѣздѣ Императорской Фамиліи войско, въ сопровожденіи игравшей музыки, стройнымъ маршемъ возвратилось въ Ливадію въ лагерныя палатки, такъ какъ для него не имѣлось отдѣльнаго помѣщенія.

Въ палатку собрались всѣ почти офицера, у которыхъ былъ ликующій видъ и кажется большія надежды на награды. Солдаты также бѣгали и рѣзвились, точно дѣти, которые въ концѣ концовъ нашли отца. Нѣтъ сомнѣнія, что ихъ веселили и другія побочныя обстоятельства, какъ-то бивуакъ на возвышенности, откуда представлялся великолѣпный видъ на горы, море, Ялту, дворецъ и виноградники, унизанные созрѣвшими уже кистями винограда. Предъ вечеромъ солдатикамъ этимъ приказано было идти купаться. Стали молодцы въ ряды, затаили запывало, и раздалась въ лѣсахъ Ливадіи чуть-ли не впервые русская военная пѣснь.

Вечеромъ всѣ городскія улицы по распоряженію полиціи были освѣщены плашками, кое-гдѣ на берегу зажжены были костры, а на военныхъ судахъ „Тигръ“, „Туркъ“ и „Пицундѣ“ устроены были иллюминаціи, фальшфейера, ракеты и т. п. Вслѣдъ затѣмъ слышались солдатскія пѣсни и музыка, не прекращавшіяся до полуночи.

Такъ какъ такіе вечера не выпадали раньше на долю изолированной Ялты, жители которой никогда дальше Симферополя не выѣзжали и слѣдовательно не имѣли понятія ни о 101 пушечномъ выстрѣлѣ, ни о значеніи царской семьи, ни о иллюминаціяхъ съ фейерверками, то естественно, что массы татаръ и грековъ изъ 4-хъ сосѣднихъ деревень наводнили набережную и удивленіямъ ихъ не было конца. Нѣкоторымъ изъ видѣвшихъ предъ глазами цѣлыя суда какъ-бы нарисованныя на темномъ фонѣ неба пылающими огненными точками вдоль всѣхъ мачтъ и канатовъ, казалось это сновидѣніемъ, а звуки музыки пѣньемъ ангеловъ. Въ болѣе изысканной и болѣе торжественной формѣ праздника этого тогда не мыслимо было устроить, во-первыхъ, потому, что въ Ливадіи была большая тѣснота и ничего не было подготовлено къ праздникамъ; во-вторыхъ, здоровье Императрицы не позволяло допускать особенныхъ зрѣлищъ, и наконецъ у насъ въ это время не было никакихъ почти военныхъ судовъ, незанятыхъ экстренными служебными обязанностями. Если-бъ къ намъ въ это время заѣхали бы какіе-нибудь иностранные посланники, не знавшіе образа жизни русскихъ царей въ Петербургѣ и Москвѣ, они составили бы себѣ незавидное понятіе о вкусѣ и потребностяхъ ихъ внѣ столицы; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой дѣйствительности никогда ни одному царствующему

дому въ Европѣ не приходилось съ такимъ удовольствіемъ и спокойствіемъ проводить свое пребываніе въ провинціи, въ бѣдной сравнительно обстановкѣ, какъ въ этотъ годъ Императору Александру II, послѣ душевной и мучительной жизни въ Петербургѣ, гдѣ его тревожили постоянныя дѣла и доклады, официальные представленія, парады, осмотры и т. п. Каждый монархъ такой обширной имперіи, какъ Россія, жаждетъ хоть на короткое время перейти въ положеніе независимаго, даже бѣднаго человѣка, чтобы придать болѣе значенія своему назначенію и набраться свѣжими силами для продолженія своего заманчиваго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма тяжелаго и отвѣтственнаго предѣ исторію суда.

На слѣдующій день изъ Ливадіи проѣхали верхомъ княжна Долгорукова съ какимъ-то молодымъ офицеромъ на татарскихъ лошадяхъ, которыя доставлены были въ Ливадію туземцами за установленную мѣсячную плату. Ведѣ за ними подѣхалъ прославленный инженеръ-генералъ Э. И. Тотлебенъ, прибывшій одновременно съ Царскою Фамиліею, но за неимѣніемъ помѣщенія въ Ливадіи, остановившійся въ Ориандѣ. Тотлебенъ въ это время страдалъ послѣдствіемъ раны, полученной имъ въ Севастополѣ, и узнавъ, что здѣсь живетъ докторъ Поспишиль, прибывшій изъ Пруссіи по вызову нашего правительства въ Крымскую кампанію, пожелалъ взять его въ свои медники.

По приходѣ Поспишиля нѣмцы заговорили на своемъ нарѣчій. Оказалось, что Тотлебенъ зналъ доктора въ Севастополѣ и желалъ ему предоставить маленькое покровительство. Вотъ какъ заботятся нѣмцы въ Россіи о единоплеменникахъ своихъ! И дѣйствительно, впоследствии малоизвѣстный Егоръ Ивановичъ не разъ встрѣчался у Тотлебена съ Государемъ Императоромъ, не разъ говорилъ съ Его Величествомъ и въ заключеніе, кромѣ хорошаго денежнаго вознагражденія, получилъ Анну 3-й степени.

27-го августа въ день Севастопольской годовщины у Государя Императора былъ обѣдній столъ, къ которому приглашены были всѣ состоящіе на лицо сановники и офицера. Солдатамъ, стоящимъ въ Ливадіи и матросамъ также приказано было устроить такое же угощеніе. За обѣдомъ Его Величество было въ отличномъ расположеніи духа и до-

вольно много говорилъ съ Императрицею и присутствующими за столомъ. Бѣдные и малоразвитые пѣхотинскіе офицера, получивъ приказаніе наканунѣ явиться къ Царскому столу въ вицъ-мундирахъ, пришли въ изумленіе отъ такой неожиданной чести и, собравшись къ ротному командиру въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ дѣлами репетиціи какъ войти во дворецъ, какъ поклониться, какъ сѣсть за столъ, какъ держать ложку, ножъ и вилку, какъ отвѣчать на случай обращенія Государя и т. п. За обѣдомъ этимъ нѣкоторые изъ важнѣйшихъ оставшихся въ живыхъ защитниковъ несчастнаго Севастополя пожалованы были орденами, а участвовавшему на немъ представителю инженернаго вѣдомства Тотлебену дарованъ Владиміръ 2-ой степени со звѣздою. Ялтинскому городничему капитанъ-лейтенанту Кондогури данъ былъ орденъ Св. Станислава 2-ой степени. Награда эта передана была послѣднему чрезъ посредство бывшаго въ то время въ Новороссійскомъ краѣ генераль-губернатора графа Строганова, человѣка довольно грубаго, разочарованнаго и не придающаго никакого значенія самолюбія ближняго. Такія качества въ этомъ хорошо образованномъ артиллерійскомъ генералѣ говорятъ зародились съ того времени, когда онъ потерялъ одновременно любимую жену и нѣсколькихъ дѣтей. Чтобъ очертить его считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о его выходкахъ въ Ялтѣ въ теченіе этого сезона. Такъ на примѣръ, онъ изъявилъ желаніе занять карантинный домъ, потому что въ Ялтѣ не было болѣе приличнаго помѣщенія для генераль-губернатора и пожелалъ осмотрѣть комнаты. Строгановъ, осмотрѣвъ ихъ, молча вышелъ не сказавъ ни одного слова и помѣстился въ плохомъ вдавнѣ, принадлежащемъ Ливадіи. Въ тотъ-же день къ нему явились по обязанности службы городничій Кондогури и исправникъ Зофиропуло. Съ первымъ онъ не сказалъ ни слова, а къ послѣднему, не смотря на то, что онъ былъ въ полицейскомъ мундирѣ, обратился со слѣдующими отрывочными вопросами:

— Вы музыкантъ?

Илья Ивановичъ, привыкшій пользоваться особеннымъ вниманіемъ князя Воронцова и важнѣйшихъ сановниковъ Россіи, посѣщавшихъ Алупку, ужасно сконфузился и не зналъ что отвѣчать.

— Я васъ спрашиваю—повторилъ графъ обыкновеннымъ тономъ—вы не музыкантъ?

— Никакъ нѣтъ ваше сіятельство—проговорилъ изумленный исправникъ.

— Странно, что вы не музыкантъ — продолжалъ онъ, какъ-бы припоминая что-то. Затѣмъ, пройдясь по комнатѣ, онъ снова остановился предъ толстымъ исправникомъ съ выразительными свѣтло-сѣрыми глазами и большими генеральскими полусѣдыми усами и сказалъ:

— Вы не играете на ваготѣ?

— Никакъ нѣтъ в. о—ство.

— А на скрипкѣ? а на вильеншели? а на гитарѣ?

Послѣ этого онъ безцеремонно повернулся и ушелъ въ свой кабинетъ.

Во время этихъ допросовъ у Зофиропуло потъ лился ручьями и навѣрно, еслибъ эти насмѣшки продолжались еще нѣсколько минутъ, онъ упалъ-бы разбитымъ параличемъ. Къ счастью подоспѣли къ нему молодой адъютантъ графа князь Черкасскій и старшій чиновникъ особенныхъ порученій Тавскій, которые вывели его на дворъ и увѣрили, что Строгановъ вѣроятно нашелъ въ немъ наружное сходство съ какимъ-нибудь когда-либо извѣстнымъ ему музыкантомъ и утѣшили исправника, что графъ все это говорилъ безъ всякой цѣли и вѣроятно сейчасъ-же забылъ. Зофиропуло успокоился, но Строгановъ съ этого времени непріязненно относился къ Ильѣ Ивановичу и не забылъ этой непріязни даже чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда губернаторъ Жуковскій представилъ его къ первому ордену Станислава 8-й степени. Генераль-губернаторъ, имѣвшій привычку лично распечатывать конверты и прочитывать всѣ адресованныя на имя его бумаги, при прочтеніи рапорта о Зофиропулѣ оставилъ его безъ резолюціи, что означало, оставить безъ вниманія*. Дзабановскій секретарь Строганова сумѣлъ дать ходъ этому представленію, увѣчившемуся успѣхомъ. Такимъ образомъ Зофиропуло, вынѣ имѣвшій массу орденовъ и Владиміра на шеѣ въ чинѣ подпоручика получилъ первый съ моей легкой руки. Но не съ однимъ только исправникомъ Строгановъ такъ странно обошелся: мнѣ рассказывали, что одна барыня, также пострадавшая и обиженная начальствомъ послѣ Крымской войны, знавшая могущество Строганова и то, что сынъ его женатъ на в. княжнѣ Маріи Николаевнѣ, обратилась къ нему съ жадобой по этому поводу и такъ краснорѣчиво описала свое бѣдственное состояніе, что графъ, увлеченный ея дикцією и

даромъ слова, вынулъ изъ бумажника 25 рублевый кредитный билетъ и отдалъ его просительницѣ.

Но всего замѣчательнѣе было то, что Строганова боялись всѣ почти придворные и въ присутствіи его соблюдали чрезвычайное почтеніе къ старшимъ. Говорили, что однажды шелъ въ присутствіи Государыни и Царскихъ дѣтей веселый разговоръ съ играми, какъ вдругъ камеръ-фрау явилась съ докладомъ о пріѣздѣ Строганова.

— Довольно, довольно, господа—сказала Императрица—Строгановъ терпѣть не можетъ шалостей, увидите какъ можно подальше.

Въ день празднованія Севастопольской годовщины въ числѣ другихъ пожалованъ въ флигель-адъютанты и Шмидтъ, командиръ Императорской яхты „Тигръ“, впоследствии долго состоявшій подъ судомъ (въ Кронштадтѣ). Удивительно какъ такой недалъновидный человѣкъ достигъ подобнаго лестнаго званія только за то, что числился въ числѣ защитниковъ Севастополя.

Тѣмъ временемъ въ Ялту и на многія окрестныя дачи начали появляться пріѣзжіе, одни съ цѣлью исходатайствовать повышенія, другіе получить мѣста и покупаться, но всего больше явилось за пособіемъ, рассчитывая на личныя встрѣчи съ Августѣйшею Фамиліею и великія и богатыя милости. Въ числѣ послѣднихъ преобладали севастопольскія жены матросовъ, имѣвшія по нѣскольکو. медалей и называвшія себя кавалерами. Несмотря на то, что прошло около 6-ти лѣтъ со времени разрушенія злополучнаго Севастополя, въ которомъ онѣ предавались пьянству, распутству и другимъ гнуснѣйшимъ порокамъ, эти отважныя женщины не растались съ своими кое-какъ возобновленными глѣздами и продолжали транить свои наклонности и привычки, стараясь заразить своимъ наслѣдіемъ новыхъ поселенцевъ. Въ ожиданіи милостей со стороны правительства за то, что онѣ ради личныхъ выгодъ не разставались съ Севастополемъ чуть-ли не до послѣднихъ дней, обирая солдатъ и офицеровъ и присваивая имущество убитыхъ на бастіонахъ, онѣ и послѣ мира нашли въ Севастополѣ довольно выгодные источники къ существованію, собирая тысячами чугуныя и свинцовыя снаряды, которые сбывали выгодно правительству и массѣ посѣтителей, нарочно

прѣзжавшихъ изъ цѣлой Европы посмотрѣть на городъ, который такъ долго и такъ геройски сопротивлялся насильственному натиску и непрестанному огню сильнѣйшихъ государствъ Европы, имѣвшихъ удобныя сообщенія съ его окрестностями. Естественно, что ни одна изъ этихъ женщинъ не выѣхала изъ Ялты до того времени, пока не получили минимумъ 25 руб. отъ Миллера, завѣдывающаго казначейскою частію при походной канцеляріи. Ни одна голодающая съ кучею дѣтей вдова солдатка или жена убитаго офицера изъ Балаклавы и другихъ военныхъ греческихъ поселеній не позволила себѣ беспокоить Государя какою-либо просьбою, считая это безчестнымъ, неприличнымъ и дерзкимъ.

29-го августа прибылъ въ Ялту для представленія Его Величеству генераль-лейтенантъ Ж., этотъ бичъ порядочныхъ людей и тайный другъ инженеровъ и подрядчиковъ, дѣлившихся съ нимъ заработками на счетъ казны. Ж., привыкшій къ раболѣпству предъ старшими, молчаливо перенесъ всѣ замѣчанія генераль-губернатора Строганова и съ стѣсненнымъ сердцемъ долженъ былъ приготовиться самому ѣхать въ Ливадію и лично представиться. Для людей честныхъ и нечувствовавшихъ на совѣсти черныхъ пятенъ представляться монарху составляетъ радость и гордость каждаго офицера, но Ж. не особенно пріятно показалось, когда Строгановъ отказался ѣхать съ нимъ. Представленіе это было обязательное, такъ какъ на другой день, т. е. 30-го августа Россія праздновала тезоименитство Государя Императора и очень многіе представители власти обязаны были прѣхать въ Ливадію.

Въ этотъ торжественный день маленькая Ялта кое-какъ украсилась флагами, и народъ, одѣвшись въ праздничные наряды, началъ поджидать Его Величество, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что Августѣйшая семья прѣдетъ слушать обѣдню въ Ялтинскую церковь.

На этотъ разъ войска и музыка прибыли изъ лагеря немногимъ раньше, вслѣдствіе чего и благовѣсть начался въ 8 часовъ. Ровно въ 9-ть прибылъ Государь съ семействомъ, по-прежнему сопровождаемый личнымъ конвоемъ казаковъ съ Мустафою впереди. Его Величество былъ въ Кирасирскомъ мундирѣ при любимыхъ орденахъ: голубомъ на шеѣ и георгіевскомъ въ петлицѣ. Какъ и прежде, послѣ марша и гимна Онъ поздоровался съ солдатами, принялъ почетный рапортъ и послѣдовалъ въ храмъ, гдѣ народъ,

придворные и многіе начальники отдѣльныхъ частей, пріѣхавшіе изъ ближайшихъ губерній съ поздравленіями, стояли во фронтѣ, оставя въ центрѣ проходъ, затянутый краснымъ сукномъ. Отъ Василія живо отслужилъ обѣдню и молебенъ. Лишь только раздался трезвонъ, послышались пушечные выстрѣлы съ пароходовъ, стоявшихъ на рейдѣ и расцвѣтившихся разноцвѣтными флагами. При этихъ выстрѣлахъ Государь, принявъ подъ руку Императрицу и откланяваясь на обѣ стороны, на этотъ разъ вышелъ никѣмъ не встревоженный и сейчасъ же отъѣхалъ. Солдаты двинулись за нимъ подъ звуки музыки, которая при безпрестанныхъ выстрѣлахъ напоминала какую-то торжественную побѣду. У всѣхъ на лицѣ сіяло счастливое настроеніе и на каждомъ шагу слышалось, что сегодня въ Ливадіи имѣеть быть роскошный фейерверкъ и свободное гуляніе около дворца.

Ровно въ полдень Государь Императоръ вышелъ изъ дворца для пріема поздравленій отъ различныхъ генераловъ и депутаціи, въ числѣ которыхъ находился и нашъ сѣдой, какъ лунь, кирпаносый Ж. Подошедъ къ каждому изъ этихъ заискивающихъ благоволенія, Государь выражалъ благодарность. Всѣмъ повидимому отлично удалось выполнить свою роль, за исключеніемъ Ж., которому захотѣлось поклониться ниже другихъ, но какъ на бѣду у него слетѣла каска, которую добрый Государь, вѣроятно изъ уваженія къ сѣдинамъ, своеручно поднялъ и подалъ ему. Покончивъ съ пріемомъ, Государь что-то сказалъ Мустафѣ, который находился около подъѣзда точно въ качествѣ тѣлохранителя, и вошелъ во дворецъ. Во все это время Царскія дѣти находились на балконѣ бель-этажа подъ наблюденіемъ княжны Долгоруковой и Тютчевой и съ особеннымъ вниманіемъ слѣдили за тѣмъ, что дѣлалось у ногъ ихъ.

Въ этотъ день матросы на судахъ и солдаты въ лагерьхъ вторично получили обѣдъ съ чаркою водки.

Вечеромъ Ялта и военныя суда снова иллюминировались; но на этотъ разъ въ городѣ никого почти не оставалось; всѣ, начиная съ 5-ти лѣтнихъ дѣтей, направились въ Ливадію посмотреть на небывалый никогда на южномъ берегу фейерверкъ.

Царская семья находилась на балконѣ, откуда Императоръ своеручно пустилъ по проволоку искусственнаго голубя,

подавшаго сигналъ къ началу фейерверка. При первой вавившейся съ шумомъ ракетъ народъ съ дикимъ крикомъ и визгами дѣтей такъ рванулся къ стѣнамъ и подъѣзду дворца, что часовые и жандармскій офицеръ заревѣли не своимъ голосомъ и старались отодвинуть его дальше. Съ балкона слышался хохотъ. Дальнѣйшія огненныя картины начали вызывать со стороны простонародія изумленіе и громкія похвалы.

Всѣ почти придворные, окружавшіе этого милостиваго Царя,—люди испорченные, не испытывшіе нужды и не чувствовавшіе ничего ко всѣмъ тѣмъ, которые стояли ниже ихъ по средствамъ и происхожденію. Графъ Адлербергъ корчилъ изъ себя китайскаго маандарина перваго ранга; онъ терпѣть не могъ говорить даже съ равными себѣ по чину, но не пользовавшимся особеннымъ благоволеніемъ Императора, съ которымъ онъ росъ, учился, игралъ и служилъ вмѣстѣ; этотъ неуклюжій и лѣнивый нѣмецъ считалъ себя незамѣнимымъ другомъ и министромъ двора, безиредѣльно пользовался милостями повелителя своего и кромѣ этого дѣлалъ все по личному произволу въ особенности, когда имѣлъ надобность въ деньгахъ, что случалось постоянно благодаря его нежеланію цѣнить большими вознагражденіями за сидячую службу. Изъ остальныхъ состоящихъ при Государѣ выдается честностію и усердіемъ графъ Шуваловъ, Остроградскій, Кузнецовъ, Енохинъ, Сколковъ и Тотлебенъ.

Въ теченіе этого времени прибылъ въ Ялту, чтобы представиться Его Величеству, Де-Вильневъ, завѣдующій Феодосійскимъ музеемъ древностей, который остановилъ вниманіе Государя своимъ наружнымъ видомъ. Его Величеству хотѣлось узнать, какимъ образомъ онъ попалъ въ Россію и поступилъ на службу, но Де-Вильневу что-то помѣшало отвѣчать, а такъ какъ онъ пользовался расположеніемъ нѣсколькихъ германскихъ принцевъ и состоялъ съ ними въ перепискѣ, то собравъ всѣ эти письма прибылъ съ ними, чтобы просить не оставить его за штатомъ при предстоящей реформѣ въ карантинномъ вѣдомствѣ. Императоръ, выслушавъ его, благосклонно приказалъ сдѣлать надлежащее распоряженіе, чтобы этого ученаго писателя не оставить безъ должности.

Послѣ него представлялся только что переведенный въ Одессу изъ Петербурга греческій архимандритъ, которому давно хотѣлось создать въ Россіи отдѣльную греческую

епархію и самому стать во главѣ ея. Его Величество, выслушавъ его, отвѣтилъ, что желаніе его ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принято, потому что у грековъ и русскихъ одна и та же вѣра и что это повело бы къ распрѣ и могло бы заставить простонародіе предполагать о различіи религіи.

Послѣ 30-го августа Государь Императоръ ежедневно совершалъ прогулки по окрестностямъ Ливадіи съ семействомъ. Онъ посѣщалъ татарскія свадьбы по приглашенію кузнеца Мустафы, гдѣ пилъ вино и завтракалъ, не оставивъ новобрачныхъ безъ щедрыхъ наградъ; онъ нерѣдко освѣдомлялся о бытѣ простаго татарина и узнавъ, въ чемъ онъ нуждается, приказывалъ оказать ему пособіе, приглашалъ къ себѣ во дворецъ молодыхъ татаръ для пляски и вообще дѣлалъ все то, что могло вселить довѣріе и расположенность недовѣрчиваго, полудицаго народа, который награждалъ подарками не за заслуги, а изъ цѣли убѣдить въ одинаковой расположенности. Понятно, что такое вниманіе возбудило въ мусульманскомъ народонаселеніи Крыма убѣжденіе, что русскій Государь дѣйствительно не отличаетъ національностей и ко всѣмъ подданнымъ одинаково добръ, снисходителенъ и милостивъ. Такое начало безъ сомнѣнія было поводомъ, что крымскіе татары при всякомъ пріѣздѣ въ Ливадію Государя высылали депутацію для привѣтствованія Его Величества съ пріѣздомъ и многіе изъ нихъ считали за особенное счастье доставлять въ Ливадію все лучшее, что могли имѣть.

4-го сентября Государь Императоръ въ сопровожденіи одного казака, чрезъ горы, спустился верхомъ въ греческое селеніе Аутка и пожелалъ проѣхать отсюда въ дер. Дереккой. Казакъ не зналъ дороги. Государь подъѣхалъ къ первой хатѣ и началъ спрашивать дорогу. Вышедшая гречанка не знала ни одного слова по-русски; во второй хатѣ также не оказалось мушины по случаю рабочаго времени. Въ эту минуту шелъ на службу канцелярскій чиновникъ Иванъ Ланара, служившій въ казначействѣ. Замѣтивъ на немъ чиновничій вицъ-мундиръ, Императоръ обратился къ нему съ тѣмъ же вопросомъ.

Ланара снялъ фуражку и предложилъ Его Величеству слѣдовать за нимъ.

— Надѣнь шапку—сказалъ Государь, поровнявшись съ нимъ, и началъ спрашивать, кто онъ, гдѣ служитъ, сколько

получаетъ жалованья и можетъ ли существовать на эти деньги.

Ланара, какъ бѣдный человѣкъ, счастливый и тѣмъ, что получалъ какихъ-нибудь 12 руб. въ мѣсяцъ, нашелъ болѣе выгоднымъ высказать полное довольство.

— А надѣешься ли ты на повышение должности и жалованья? спросилъ Государь.

— Надѣюсь—отвѣчалъ бывшій юнкеръ—при чемъ добавилъ, что онъ состоялъ въ военной службѣ и послѣ смерти отца вынужденъ былъ оставить ее, чтобы присмотрѣть за маленькимъ наслѣдствомъ.

— Ну, теперь мы сами найдемъ дорогу—сказалъ Императоръ, когда Ланара вывелъ ихъ на дереконскую тропинку и объяснилъ, что она есть единственная къ селенію.

— Однако ты завтра явись въ мою канцелярію—прибавилъ Государь, потому что я не хочу такъ воспользоваться твоими услугами. Я прикажу пожаловать тебя золотыми часами, которые навѣрно тебѣ пригодятся для опредѣленія служебнаго времени. Сказавъ это, Государь пришпорилъ коня и ускакалъ впередъ.

Ланара предполагалъ, что Царское слово останется простымъ словомъ и не ходилъ въ Ливадію до того времени, пока его не потребовали и вручили Царское обѣщаніе.

Съ этого времени Его Величество ежедневно совершалъ небольшія прогулки въ ближайшія окрестности Ливадіи или верхомъ въ сопровожденіи одного казака или въ коляскѣ съ Императрицею и дѣтьми. Всего чаще они посѣщали Тотлебена въ Ореандѣ, доѣзжали до Алупки и катались по масандровскому парку. Купались обыкновенно одинъ разъ на Ливадскомъ берегу, завтракали въ полдень, а обѣдали въ 6 часовъ.

За обѣдомъ и вообще дома Государь всегда былъ въ отличномъ расположеніи духа и нерѣдко игралъ и забавлялся съ своими дѣтьми. Всего болѣе Августѣйшіе родители выказывали нѣжное участіе къ дочери своей, великой княжнѣ Маріи Александровнѣ, отъ которой не отходили почти княжна Долгорукова и Тютчева, а придворные считали за особенное счастье чѣмъ-либо прислужить этой прелестной дѣвчкѣ.

Со дня пріѣзда Государя въ Ливадію мѣстная административная власть, зная, что Его Величество любитъ лѣсную охоту, начала подготавливаться къ этому проложеніемъ или ремонтрованіемъ горныхъ тропинокъ въ Массандрскомъ и Аутинско-Мискорскомъ лѣсахъ, но не знала, кого избрать въ распорядители или руководители охоты. Бывшій въ то время Ялтинскимъ лѣсничимъ кондукторъ Фромъ былъ постоянно пьявъ и не имѣлъ понятія объ этомъ дѣлѣ, другихъ способныхъ и главное знающихъ хорошо мѣстность полиція не могла открыть.

Поселянинъ дер. Дерекой Аметъ Мустафа Оглу, издавна занимающійся звѣроловствомъ, зналъ въ нашихъ лѣсахъ каждое логовище и каждую чашу, гдѣ скрывается дичь. Исправникъ Зофиропуло охотно взялся за этого человѣка, но такъ какъ Аметъ не пользовался расположенностію волостного головы и въ особенності Фрома, старавшихся заставить его дѣлиться съ ними тѣми выгодами, которыя онъ пріобрѣталъ изъ казенныхъ и общественныхъ лѣсовъ, то имъ удалось отъснить его. Кондукторъ Фромъ заявилъ, что при надобности онъ самъ съ своими полѣсовщиками поведетъ Государя. Зофиропуло не хотѣлъ спорить, но тайнымъ образомъ переговорилъ съ Аметомъ, узнавъ, куда лучше направить Государя, и пригласилъ его въ качествѣ руководителя загонщиковъ.

Въ крупныхъ каменистыхъ лѣсахъ яллыньскихъ отклоновъ невозможно охотиться съ собаками, которыя скоро выбиваются изъ силъ и ранятъ себѣ ноги. Вслѣдствіе чего принято туземцами устраивать загоны людьми, идущими цѣвнью съ криками по направленію къ линіи расположенія охотниковъ. Въ загонщики обыкновенно берутъ ловкихъ татаръ, которые прикрѣпляютъ къ чарыкамъ или кожанымъ сандалямъ своимъ иглистые подковы и мастерски проходятъ по скользкимъ сосновымъ игламъ, глубокимъ сѣатамъ и осыпавшимся склонамъ. Такой способъ охоты повидимому издревле практиковался въ Крыму въ угоду ханамъ, не любившимъ большого движенія, и принятъ былъ, кажется, для истребленія волковъ, которыхъ по преданіямъ было чрезвычайно много въ горахъ Крыма.

5-го сентября дѣйствительно Его Величеству захотѣлось поохотиться на ближайшемъ къ Ливадіи яллыньскомъ отклонѣ. Желаніе это въ тотъ же часъ передано было

исправнику, который немедленно потребовалъ отъ волостного головы способныхъ загонщиковъ и поручилъ Фрому и Амету явиться завтра къ 7-ми часамъ утра въ Ливадию, гдѣ будетъ находиться и онъ самъ.

На слѣдующій день въ назначенный часъ все было готово двинуться въ лѣсъ. Цѣлый рядъ лошадей, навьюченныхъ завтракомъ и другими необходимостями Царскаго стола и комфорта, въ сопровожденіи придворныхъ лакеевъ, потянулись впередъ, чтобы раньше занять свою позицію и подготовиться къ исполненію своихъ обязанностей; вслѣдъ за ними совершенно другимъ путемъ направились загоныщики, чтобы начать свое нашествіе съ высшей точки и направить его къ центру или точкѣ засады охотниковъ.

Около 9-ти часовъ вышелъ изъ дворца Императоръ и немногіе изъ состоящихъ въ свитѣ. Всѣ они сѣли на подведенныя имъ лошади, изъ которыхъ только царская была изъ императорской конюшни, а всѣ остальные выставлены были туземцами и Коккоскимъ мирзою Али-беемъ Булгаковымъ, бывшимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ уѣзднымъ предводителемъ въ Ялтинскомъ уѣздѣ. Исправникъ и казенный лѣсничій выѣхали впередъ. Государь, пославъ воздушный поцѣлуй супругѣ и дѣтямъ, вышедшимъ на бѣлконѣ, тронулъ коня, и блестящая кавалькада, сопровождаемая нѣсколькими казаками и празднично одѣтыми проводниками татарами, весело и граціозно тронулись въ путь, сначала по почтовой дорогѣ, а потомъ повернули налево къ тропинкѣ, которая въ настоящее время превращена въ шоссе, ведущее на водопадъ „Учанъ-су“. Всѣ, кто бывалъ на южномъ берегу и проѣзжалъ эту мѣстность, безспорно согласятся, что видъ отсюда на море и горы, затянутыя какъ бы зеленымъ пушистымъ ковромъ и мѣстами испещренныя гигантскими сѣрыми выступами, изрѣзанными точно складками или морщинами, до того восхитителенъ, что Императоръ безпрестанно обращалъ вниманіе слѣдовавшихъ за нимъ на эти предметы. Когда же онъ очутился въ группѣ первыхъ величественныхъ корявыхъ приморскихъ сосенъ (*pinus taurica*), подобныхъ испанскимъ зонтикамъ и обвитыхъ чуть ли не до кроны вѣчно зеленымъ плющомъ, и въ то же время у подножія его вытянулась во всю длину свою Аутинская долина, пересѣченная бѣлѣющимъ русломъ рѣки съ садовыми окраинами и миниатюрными домиками грековъ и татаръ. Его Величество остановился и послѣ минутнаго созерцанія сказалъ:

„здѣсь такъ хорошо, что не хочется разставаться съ такимъ зрѣлищемъ“. Въ половинѣ 12-го часа Государь достигъ избраннаго для него мѣста охоты и расположился за удобнымъ камнемъ. Ровно въ 11 часовъ долженъ былъ начаться загонъ. Благодаря распорядительности и безошибочному расчету Амета все началось во время и обѣщало успѣхъ. До дивна охотниковъ порою долетали крики загонщиковъ и свидѣтельствовали, что Государю не долго придется ожидать дичи. Но вотъ наконецъ Государь слышалъ какой-то шелестъ и взвелъ курки ружья. Вдали мелькнула лисица и точно провалилась сквозь землю, но вслѣдъ за нею летѣлъ стройный дикій козелъ прямо на Царя. Его Величество пригнулся и прежде, чѣмъ быстрое животное по инстинкту хотѣло броситься въ заросшія деревьями оврагъ, раздался выстрѣлъ и оно, пригнувъ голову къ землѣ, точно по инерціи полетѣло въ неглубокій оврагъ и, упавъ на переднія колѣна, сиделось подняться. Стоявшій за Государемъ ловчій поспѣшилъ прекратить его мученія. Тѣмъ временемъ раздалось вверху еще нѣсколько выстрѣловъ, а полчаса спустя появились загонщики во главѣ Амета Мустафа оглу, который смѣло приблизился къ Императору и, отдавъ ему по своему (т.-е. по принятому и у нашихъ войскъ) чести, поздравилъ Его Величество ломаннымъ выговоромъ съ успѣхомъ. Послѣ чего здоровый Аметъ взвалилъ убитаго козла къ себѣ на плечи и поднесъ его къ монарху. Такое естественное, бездеремонное поведение съ разъясненіями, куда попала картечь, какого достоинства дичь, гдѣ и въ какихъ мѣстахъ Крыма попадаются такіе экземпляры и т. п., какъ-то неволью обратило вниманіе Государя на словоохотливаго татарина съ добрымъ и наивнымъ лицомъ, постоянно прикрашивавшаго рассказы свои титуломъ „ваше императорство“.

Затѣмъ, усѣвшись преспокойно на землю, Аметъ началъ дѣлать замѣчанія остальнымъ стрѣлявшимъ, находя ихъ недостаточно опытными въ искусствѣ стрѣльбы. Все это говорилось ломаннымъ языкомъ, безъ малѣйшаго стѣсненія, точно между равными, братьями и друзьями своими, тономъ полного сознанія правды. Государь поминутно улыбался.

Тѣмъ временемъ доложили Государю, что завтракъ готовъ.

— Идемте завтракать, — сказалъ Императоръ, обращаясь къ свитѣ своей. — Иди и ты, Аметъ, — прибавилъ онъ, — я хочу угостить тебя моей водкой. Ты пьешь водку?

— Можно, ваше императорство.

Завтракъ устроенъ былъ подъ тѣнью великолѣпныхъ деревъ на разсланныхъ коврахъ. Императоръ расположился на складномъ стулѣ, а за нимъ Аметъ, поджавши подъ себя ноги. Свита заняла мѣста по окраинамъ ковровъ. Лакеи подали водку. Опорожнивъ свою чару, Государь приказалъ валить ее вторично и собственноручно подалъ ее Амету, который не замедлилъ вскочить на ноги, поднять руку ко лбу и, пожелавъ здравія, осушилъ ее залпомъ, при чемъ не преминулъ сдѣлать гримасу, свойственную большинству татаръ послѣ чарки крѣпкой водки.

— Закуси, Аметъ, — предложилъ Императоръ, подавая ему свою тарелку съ сыромъ, икрой и хлѣбомъ.

Татаринъ принялъ тарелку и, отошедъ на нѣсколько шаговъ дальше, снялъ съ плечъ кожаный мѣшокъ свой и, выложивъ изъ него половину темнаго пшеничнаго хлѣба, нѣсколько огурцовъ и соленнаго перцу, завернутаго въ полотенце, началъ съ наслажденіемъ кушать свое.

— Что же это ты, Аметъ, не попробуешь Царскаго, а принялся за свое? спросилъ у него одинъ изъ свиты.

— Это послѣ; прежде свое надо покушать—отвѣтилъ онъ. Царское не всегда можно имѣть.

— *Il est charmant*—замѣтилъ съ улыбкою Государь и приказалъ поднести ему вторую чарку водки.

Покончивъ съ завтракомъ, въ продолженіе котораго несчастный кондукторъ-лѣсничій Фромъ напился такимъ пьянымъ, что придворные лакеи должны были доложить объ этомъ наблюдавшему за порядкомъ полковнику Кутузову, а этотъ приказалъ ему немедленно возвратиться домой.

— Ужасная свинья этотъ Фромъ, — сказалъ Аметъ, когда узналъ эту безобразную выходку отъ одного изъ камеръ-лакеевъ, при чемъ началъ описывать ему всѣ служебныя его выходки, безъ сомнѣнія въ предположеніи, что лакеи этотъ пользуется какими-нибудь важными правами или въ такихъ близкихъ отношеніяхъ съ Государемъ, что не скроетъ отъ него слышаннаго.

— Я думаю, пора домой, — сказалъ Государь, взглянувъ на часы, — надо возвратиться къ обѣду.

Въ ту же минуту приказано было подать лошадей, и Государь, бросивъ взоръ на Амета, сказалъ, что надѣется еще разъ видѣть его на своей охотѣ. Татаринъ молча поднялъ руку подъ козырекъ и, считая миссію оконченною,

скомандовалъ загонщикамъ своимъ и, весело болтая съ ними, направился прямою линіею, лѣсомъ и оврагами въ Деревой. Долго и долго слышалась изъ заунѣвная пѣснь въ отдаленной глубинѣ заросшаго вѣковыми соснами мисхорскаго богаза.

Съ этого времени Аметъ считалъ себя необходимымъ слугою царской фамиліи, возилъ въ Ливадію постоянно дичь, плоды изъ своихъ садовъ и настолько сблизился со всѣми придворными, что даже нелюдимый графъ Адлербергъ и канцлеръ Горчаковъ принимали и шутили съ нимъ; что касается Государя, то онъ издали узнавалъ его, освѣдомлялся о здоровьи и спрашивалъ объ успѣхахъ его охоты. Но при всемъ этомъ не трудно было замѣтить, что Его Величество несравненно болѣе расположенъ былъ къ Мустафѣ, кротко и спокойно исполнявшему обязанности проводника Царской Семьи безъ приглашенія къмъ-либо и безъ намека на надежду получить вознагражденіе за эти труды. На лицѣ этого челоуѣка, неспособнаго къ униженію и раболѣпству, никогда никто не замѣчалъ никакихъ желаній, никакихъ тревогъ, ни радостей, ни скорбей. Давали ли ему въ Ливадіи поѣсть или нѣтъ, это было для него безразлично. Онъ бродилъ, не искавши ничего и не нуждаясь ни въ комъ, вдоль дворца, отвѣчалъ каждому лакею и солдату, но лишь только Царская Семья садилась въ экипажъ, Мустафа былъ уже на своемъ иноходцѣ и несся впередъ, приказывая встрѣчнымъ и поперечнымъ останавливаться или сторониться. Словомъ, онъ создалъ въ лицѣ своемъ эмблему царскаго поѣзда и каждый, замѣтивъ Мустафу, безошибочно вѣрилъ въ встрѣчу съ Государемъ или Августѣйшею супругою его.

На слѣдующій день, т. е. 7-го сентября, стало извѣстно, что Его Величество пожаловалъ полковника Кутузова въ генераль-маіоры и собирается выѣхать на Кавказъ для осмотра войскъ.

8-го числа, въ день рожденія Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, Государь Императоръ прибылъ въ Ялтинскую церковь съ семействомъ въ казацкомъ мундирѣ и папахѣ, которые чрезвычайно шли къ его величавой наружности и прекрасному лицу. Послѣ здраванія съ ротою солдатъ, стоявшихъ кругомъ церковной ограды, и нѣсколькихъ словъ съ командиромъ, Его Величество въ сопровожденіи министра Двора и небольшой, но блестящей свиты, вошелъ въ церковь и занялъ свое мѣсто около

Императрицы и Августѣйшихъ дѣтей своихъ. Августѣйшая чета во все время божественной литургіи и молебна какъ-то невольно обращала на себя вниманіе искреннею молитвою къ Творцу міровъ. Дѣти почти не подымались съ колѣнъ; что касается Императрицы Маріи Александровны, то казалось, что она переселилась душою къ подножію престола Предвѣчнаго и умоляла Его сохранить и наставить на путь истинны, блага и счастья Россіи ея первенца.

Судя по необыкновенно-веселому взгляду и милостивымъ отвѣтамъ на привѣтствія присутствовавшихъ въ церкви Государь отлично былъ настроенъ. Это свидѣтельствовало, что въ Ливадіи вновь устроенъ будетъ праздникъ для свиты и войскъ. Ожиданіе народа сбылось и снова устроены были завтраки, обѣды и ужины при звукахъ музыки и великолѣпной иллюминаціи съ фейерверкомъ, доставляющимъ неописанное наслажденіе солдатамъ, дѣтямъ и массамъ простонародья. Въ одной изъ залъ дворца давалъ концертъ Раншере.

Слабосильная Императрица въ этотъ вечеръ такъ была весела и довольна, что даже во время игры артиста обратилась къ Тотлебену и сказала: „мнѣ кажется, что на частномъ концертѣ не воспрещается никому смѣяться“.

9-го сентября Государь Императоръ послѣ продолжительной прогулки въ Ореандѣ, гдѣ онъ высказывалъ сожалѣніе о томъ, что не пріѣхалъ раньше въ прекрасный Крымъ, а Государыня прямо сообщила, что заблаговременно готовится плакать при разлукѣ съ Ливадіею, — приказалъ объявить командиру яхты, чтобы онъ готовъ былъ къ отплытію съ нимъ къ Кавказскимъ берегамъ. Лишь только послѣднее сдѣлалось извѣстнымъ, какъ все начальство начало хлопотать около пристани, которую убрали краснымъ сукномъ, флагами, зеленью, цвѣтами, площадками и фонарями.

Послѣ 9-ти часовъ вечера на пристани этой находились уже всѣ состоящіе на-лицо власти и нѣкоторые офицеры изъ свиты.

Его Величество прибылъ ровно въ 11 часовъ съ начальникомъ Черноморскаго флота Глазенапомъ, флагъ-маіоромъ Сколковымъ и нѣкоторыми другими приближенными лицами и сейчасъ же отплылъ на пароходъ, гдѣ для сокращенія времени предложилъ игру въ карты, продолжавшуюся около 2-хъ часовъ. По слухамъ, Императоръ возвратится не раньше 20 дней.

Съ отъѣздомъ монарха придворные медики начали хлопотать, чтобы Императрица, здоровье которой замѣтно поправилось, чаще находилась бы въ движеніи на чистомъ воздухѣ. Несмотря на то, что это не легко было въ жаркой странѣ для женщины слабосильной, Государыня изъ любви къ маленькимъ дѣтямъ, требующимъ нѣжной и незамѣнимой материнской заботы, безропотно подчинялась ихъ требованіямъ и ежедневно совершала значительныя прогулки пѣшкомъ я, въ экипажѣ безъ всякихъ конвойныхъ и часто даже безъ усерднаго Мустафы, котораго народъ не иначе уже именовалъ, какъ княземъ.

Въ это время нашему геніальному маринисту Ив. К. Айвазовскому, постоянно посѣщавшему Ливадію, пришла фантазія нарисовать красками *à vol d'oiseau* Крымскій полуостровъ съ нѣсколькими пароходами на ходу на стѣнѣ царскаго балкона у входныхъ дверей. Картина эта съ горными цѣпями, отклонами, лѣсами, бухтами и населенными мѣстами до такой степени поражала перспективою и плескомъ игривыхъ волнъ Чернаго моря, что каждый останавливался предъ нею и цѣлые часы не отрывалъ глазъ.

Посѣтивъ всѣ ближайшія окрестности Ливадіи, Ея Величество съѣздила на пароходѣ „Турокъ“ въ татарскую дор. Гурауфъ и пробыла нѣсколько часовъ въ прекрасномъ имѣніи сенатора Фундуклея, гдѣ изволила обѣдать, гулять и разговаривать съ управляющимъ Дайбертомъ и его женою, получившими за усердіе свое довольно цѣнныя подарки. Не ограничиваясь и этимъ и въ сознаніи благотворности чистаго морского воздуха, Императрица пожелала посѣтить на пароходѣ же Алуштинскую долину. Медики были очень рады такому желанію, и никому не приходило на мысль, что Государыня, прибывъ къ Алуштѣ, пожелаетъ сойти на берегъ и посѣтить тѣ мѣста, которыя чѣмъ-либо покажутся ей интересными. Всѣ думали, что Ея Величество ѣдетъ только для вдыханія морского воздуха и конечно не озаботились сдѣлать подготовленій. Къ общему удовольствію избранный день былъ вполне соответственный прогулкѣ и общалъ тихую повертность морю.

На городской пристани всегда при прибытіи и отъѣздѣ членовъ Императорскаго Дома должны были находиться по крайней мѣрѣ два карантинныхъ солдата изъ гребцовъ, чтобы содѣлствовать и вообще прислуживаться при надобности. Люди эти при тогдашнемъ отсутствіи въ Ялтѣ полицейскихъ и другихъ вѣдомствъ нижнихъ чяновъ дѣйстви-

тельно работали чуть-ли не каждый Божій день до изнеможенія, переноса доставляемую изъ разныхъ городовъ провизію на подводы и т. п.

Лишь только подъѣхала къ пристани Императрица съ дѣтьми и фрейлинами и подошла къ лодкѣ, солдатики явились на помощь къ лэкеямъ и снесли всѣ ручныя мелочи за ними. Нѣсколько минутъ спустя „Турокъ“, стоявшій на парахъ, зашумѣлъ колесами и скрылся изъ глазъ. Въ числѣ сопровождавшихъ Ея Величество находился и Айвазовскій, который безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду ознаменовать эту прогулку какимъ-нибудь произведеніемъ своей художнической кисти.

Отъ Ялты до Алушты сухимъ путемъ на почтовыхъ совершается переѣздъ въ 4 часа, но на пароходѣ, при благоприятныхъ условіяхъ, можно проѣхать въ три часа. Алушта въ то время, какъ и теперь, была небольшая татарская деревня, расположенная амфитеатромъ на возвышенномъ холмѣ, опоясанномъ съ двухъ сторонъ горными рѣками, берега которыхъ съ правой стороны покрыты виноградниками, а съ лѣвой фруктовыми садами. Дальше идутъ горы, сначала заросшія кустарниками, а затѣмъ по мѣрѣ отдаленія громадными темнозелеными лѣсами, упиравшимися на ребрахъ Чатырдага и въ сосѣдствѣ гигантской Демерджиинской скалы, казавшейся издали точно прикрытою чешуею брони. Долина эта, богатая производительностью земли, мѣстами занята домиками русскихъ землевладѣльцевъ, посѣщающихъ ее въ лѣтній сезонъ, но, несмотря на богатство свое, не являетъ глазу ничего такого, которое воспроизводитъ отрадное впечатлѣніе. Но для жителей степи она можетъ показаться не только картинною, а даже величественною мѣстностью, окаймленною громадными горами. Какъ только пароходъ бросилъ якорь противъ Алушты, Государыня пришла въ неописанный восторгъ отъ этой долины и непременно захотѣла сойти на берегъ. Естественно, что никто изъ сопровождающихъ Ея Величество не зналъ, что здѣсь не существуетъ никакой пристани для яликовъ и что невозможно найти экипажа на рессорахъ. При видѣ военнаго парохода, остановившагося невдали отъ берега, татары, солдаты пограничной стражи и русскіе чернорабочіе бросились къ морю поглазѣть на необыкновенное явленіе и конечно никому не могло прійти въ голову, что на пароходѣ находится русская Царица со своими дѣтьми. Тѣмъ временемъ къ берегу причалила лодка съ Августѣй-

шими никому неизвѣстными гостями и вперлась носомъ въ песокъ. Не представлялось никакой возможности солти безъ смѣлаго прыжка съ значительной высоты, но все это не остановило русскую Государыню, бывшую въ веселомъ настроеніи, и она при содѣйствіи окружавшихъ ее мушкетеровъ и матросовъ ловко перенесена была на берегъ. Въ эту только минуту состоявшіе въ свитѣ подумали объ экипажѣ, но такового не оказалось ни у кого въ Алуштѣ и ближайшихъ окрестностяхъ. Когда доложили объ этомъ Ея Величеству, она поинтересовалась узнать, какимъ же способомъ сообщаются алуштинскіе жители и служащіе съ другими городами? На отвѣтъ, что туземцы ѣздятъ верхомъ или на воловьяхъ арбахъ, а чиновники на почтовыхъ телѣжкахъ, Государыня сказала:

— Отчего же и намъ не попробовать проѣхать на почтовой телѣжкѣ. Попросите кого слѣдуетъ, чтобы намъ дали эти телѣжки. И въ ожиданіи ихъ она пошла по направленію къ почтовой дорогѣ, вдоль которой красовалось нѣсколько домиковъ съ дворами, усаженными орѣховыми деревьями, розми, экзотическими растеніями.

Въ это время всѣмъ находившимся на-лицо было уже извѣстно, кто пріѣхалъ, и изъ ближайшихъ домовъ начали выносить подъ тѣнь деревъ стулья и имѣвшіеся у хозяевъ подъ рукою фрукты, цвѣты и т. п. Государыня, одѣтая въ самое обыкновенное платье безъ всякихъ дорогихъ украшеній, съ замѣтнымъ удовольствіемъ расположилась на стулѣ и съ свойственнымъ ей добрымъ выраженіемъ глазъ и улыбкою начала разспрашивать и интересоваться бытомъ и занятіями поселянъ. Она не отказалась попробовать мѣстные плоды и угостила ими дѣтей и сопровождавшихъ ее лицъ. Похваливъ въ особенноти груши, она не забыла поручить Тютчевой позаботиться наградить каждого изъ оказавшихъ ей какую-либо услугу. Тѣмъ временемъ послышались звонки почтовыхъ колокольчиковъ и изъ поворота выскочили почтовые телѣжки съ откормленными татарскими лошадами, которыми легко управляли великорусскіе мужички въ парадныхъ шляпахъ и форменныхъ армякахъ съ большими мѣдными бляхами. Обѣхавъ краемъ пыльной дороги, они ловко повернули подпрыгивавшіе, но окрашенные даже фургончики и остановились въ почтительномъ разстояніи отъ Матери русскаго народа. Государыня Императрица немедленно поднялась съ мѣста и, подзвавъ дѣтей, направилась къ всероссійскому народному

экипажу такимъ шагомъ и такъ увѣренно, какъ будто ей не впервые приходилось ѣздить на почтовыхъ перекладныхъ. При помощи Айвазовскаго и другихъ мушницъ, она очень удобно безъ малѣйшаго жеманства усѣлась на веревочномъ переплетѣ, прикрытомъ сѣномъ и ковромъ, и размѣстила около себя своихъ Августѣйшихъ дѣтей. Прочіе расположились на второй телѣжкѣ и верхами. Извозчики тронули возжами.

Въ эту минуту всѣ уже алуштинскіе жители, которымъ никогда не приходилось видѣть Императрицы, высыпали на кровли домовъ и почтовую дорогу и не могли вѣрить глазамъ, чтобы Государыня рѣшилась сѣсть на обыкновенную повозку, отъ которой несетъ дегтемъ, которая трясеть всю внутренность сѣдока и набиваетъ подошвы ногъ. Ихъ не менѣе изумляло, что на обладательницѣ отъ всѣхъ почти сокровищъ міра была обыкновенная шляпа и недорогой матерія наряды безъ всякихъ сіяющихъ украшеній.

Проехавъ по почтовому тракту вдоль Алуштинской долины, Августѣйшая туристка возвратилась обратно къ морскому берегу и на виду всего населенія Алушты возвратилась на пароходъ, не выразивъ ничѣмъ ни усталости, ни неудовольствія. И напротивъ, судя по ея веселому разговору, заботливости никого не оставить безъ щедраго вознагражденія и хорошему аппетиту при обѣденномъ столѣ, на суднѣ всѣ были убѣждены, что прогулка эта очень понравилась Ея Величеству и дѣтямъ.

Нѣсколько дней спустя стало извѣстно, что путешествіе Императрицы на перекладной художнически изображено было масляными красками И. К. Айвазовскимъ на холстѣ и поднесено было Государынѣ на память. Картина эта до настоящаго времени служитъ лучшимъ украшеніемъ стѣнъ Ливадскаго дворца, и безъ сомнѣнія каждому будетъ напоминать покойную неприхотливую и чистосердечную Императрицу Марію Александровну, такъ сильно полюбившую южный берегъ Крыма, который дѣйствительно благотворно вліялъ на ея разстроенное здоровье.

Въ Ливадіи сохраняется также и та почтовая телѣжка, на которой совершала свою прогулку Государыня Императрица. Естественно, что она теперь не составляетъ предмета удивленія, но настанетъ время, когда ее будутъ осматривать съ особеннымъ вниманіемъ и воспоминаніями о золотой порѣ царствованія и жизни въ естественной простотѣ славнаго любовью къ подданнымъ безъ различія

происхожденія и званій Царя—Освободителя народовъ отъ рабскихъ оковъ.

Въ половинѣ Сентября, какъ бываетъ обыкновенно въ Крыму въ дни равноденствія, что приписывается простонародіемъ еврейскому празднику кущей, испортилась погода и начало бушевать море. Государыня и придворнымъ показалось, что наступала сѣверная осень и они начали съ боязнью думать объ обратномъ путешествіи Государя съ кавказскихъ береговъ; но это пасмурное настроеніе миновало очень скоро. Сѣверо-восточные вѣтры стихли, небо прояснилось и вмѣстѣ съ нимъ спалъ извуряющій жаръ, проше наступило второе южнобережское лѣто, которымъ восхищаемся перѣдко до послѣднихъ чиселъ Ноября. Вдобавокъ въ этотъ періодъ времени здѣсь соарѣваютъ окончательно всѣ почти фрукты въ фруктовыхъ и виноградныхъ садахъ и представляютъ отрадное арѣлище для глазъ сѣвернаго жителя. Государыня снова начала выѣзжать въ установленные часы дня и веселое расположеніе ея по прежнему казалось несомнѣннымъ. По обыкновенію она никогда не пропускала божественной литургіи въ воскресные и годовые праздничные дни. 14-го Сентября въ день Воздвиженія Креста Ея Величество не смотря на вѣтренную погоду пріѣхала въ Ялтинскую церковь и простояла цѣлую архіерейскую службу, которая могла утомить даже здоровую даму.

28-го Сентября Государь Императоръ долженъ былъ возвратиться съ кавказскихъ береговъ къ часу пополудни. Въ то время ялтинская пристань была открыта и довольно веряшливо содержалась, такъ какъ была единственная для пассажировъ и грузовъ, но по распоряженію полиціи найдены средства для устилки ея краснымъ сукномъ и зеленью экзотическихъ растеній, которыми наобиловали всѣ почти окрестныя дачи. Часовъ въ 11-ть прибыла для встрѣчи Государыня Императрица съ августѣйшими дѣтьми и расположилась на креслѣ подъ зонтикомъ. Ея Величество окружали придворныя дамы и нѣсколько человекъ изъ свиты въ полныхъ мундирахъ. Тутъ же находился и угрюмый генераль-губернаторъ графъ Строгановъ. Дальше на площадкѣ къ теперешнему агентству общества пароходства у впаденія рѣчки „Бала“ расположены были: музыканты и личный конвой, состоящій изъ эскадрона казаковъ въ красныхъ мундирахъ, въ числѣ которыхъ находились и солдаты.

крымско-татарскаго полуэскадрона съ офицерами изъ крымскихъ муръ.

Тѣмъ временемъ неожиданно вышелъ изъ-за ялтинскаго мыса „Тигръ“ во всей своей красѣ съ императорскимъ штандартомъ. Народъ не могъ удержаться, и тихій воздухъ огласился криками ура! Нѣсколько минутъ спустя къ подножью яхты спущены были по блокамъ бѣленькіе ялики съ парадно одѣтыми матросами, которые, ставъ въ линію подъ трапомъ, картинно подняли весла въ честь монарха. Большой царскій катеръ, окрашенный въ желтый цвѣтъ съ флагъ-маіоромъ Сколқовымъ у руля, появился также у парохода и плотно присталъ къ трапу. Какъ вдругъ послышался съ парохода веселый маршъ, заставившій всѣхъ чуть не перекреститься отъ пріятнаго и такъ сказать восторженнаго состоянія. На яхтѣ поднялась суета, на трапѣ забѣгали матросики, и вслѣдъ затѣмъ музыка грянула „Боже, царя храни“. Императоръ при оглушительныхъ крикахъ пароходнаго экипажа, огласившагося и береговою массою, опустился на катеръ. Какъ только замолкли на „Тигръ“ радостные звуки и спалъ штандартъ, музыка грянула на берегу.

Гвардейцы вмгъ построились, публика разступилась, и императрица съ августѣйшими дѣтьми, сопровождаемая блестящею свитою, направилась на встрѣчу къ вѣнценосцу. Въ эту торжественную минуту слухъ всѣхъ былъ пораженъ слѣдующими словами изъ манифеста 19 февраля, громко сказанными стоящимъ мужикомъ въ суковной поддевкѣ:

„Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественаго“.

Слова эти произнесены были въ видѣ молитвы, и всѣ присутствующіе въ эту минуту постигли ихъ дѣйствительное значеніе для того, кто жаждалъ свободы не для разгула, но для труда независимаго и благодарнаго; кто изнемогалъ подъ ударами жестокаго владѣльца, у кого заливалось сердце кровью, когда онъ видѣлъ, какъ сластолюбивый, безбожный баринъ вырвалъ изъ семьи его только-что оперившуюся сестренку, игралъ съ нею какъ съ собачкою и проигрывалъ въ карты какъ собаку.

По мѣрѣ приближенія царскаго катера Государыня чаще махала бѣлымъ платкомъ и веселѣе улыбалась. Лишь только лодка подошла къ ступенямъ пристани, музыка

заиграла народный гимнъ, у всѣхъ обнажились головы и загремѣло ура!

Его Величество съ истиннымъ удовольствіемъ принялъ въ объятія супругу и своихъ красавцевъ дѣтокъ; многимъ дружественно пожалъ руки и многимъ дозволилъ поцѣловать себя въ плечо. Не лишень былъ вниманія и ялтинскій исправникъ Зофиропуло, котораго называлъ государь по имени и отчеству, а также и кузнецъ Мустафа, стоявшій у царскаго экипажа. Махнувъ рукою музыкантамъ, Государь поздоровался съ гвардейцами и сейчасъ же отбылъ съ семействомъ въ Ливадію, по дорогѣ, установленной флагами и знаками, сопровождаемый радостными криками народа и преданными ему казаками. Въ числѣ пріѣхавшихъ съ Государемъ былъ молодой разжалованный въ солдаты князь Долгорукій, родной братъ фрейлины, княжны Екатерины Михайловны, состоящей при Императрицѣ и, какъ замѣтно, пользующейся особымъ вниманіемъ Императора. Онъ былъ разжалованъ, какъ говорили и писали по газетамъ, за убійство на дуэли графа Кинкряна. Какимъ образомъ онъ обратилъ на себя вниманіе Императора, пригласившаго его съ собою въ Ливадію для свиданія съ сестрою, конечно знали достоверно очень немногіе изъ приближенныхъ.

Съ пріѣздомъ Государя Ливадія вновь оживилась и вновь началось большое движеніе. Придворные и курьеры не переставали посѣщать городъ. Жандармы и совершенно не нужные агенты тайной полиціи, надъ которыми издѣвались даже уличные мальчишки, зашныряли по всѣмъ закоулкамъ, чтобы показаться усердными исполнителями своихъ обязанностей.

Послѣ смерти свѣтлѣйшаго князя, генераль-губернатора Новороссійскаго края и намѣстника Кавказа, Воронцова, обожавшаго Алупку и другія дачи свои, Массандру и т. д. и употреблявшаго всѣ усилія населить этотъ край богатыми и интеллигентными представителями русской аристократіи, южный берегъ пересталъ заманивать посѣтителей на роскошныя виллы, не приносяшія никакихъ доходовъ и отчасти пострадавшія отъ миновавшей Крымской войны. Забвеніе о немъ дошло до такой степени, что отъ 1858 до 1860 года здѣсь не встрѣчали ни

одного дачевладѣльца и полагали, что край этотъ зану- стѣетъ и снова всецѣло перейдетъ въ руки туземцевъ. Предположеніе это казалось несомнѣннымъ въ виду того еще, что прекратилось пароходное сообщеніе съ черномор- скими портами, а ѣхать въ этотъ отдаленный пунктъ по не шоссированнымъ глинистымъ дорогамъ было нелегко даже для богатыхъ туристовъ. Воронцовъ, которому хотѣлось ради своихъ удобствъ и выгодъ сдѣлать и Ялтинскій рейдъ безопаснымъ въ бурныя погоды постройкою дорогой въ то время моллы и висячей пристани, только напрасно истра- тилъ огромныя суммы казенныхъ денегъ. Такимъ обра- зомъ оставленный на произволъ собственной судьбы не такъ давно высоко цѣнимый любителями природы прелест- ный край, попрежнему началъ питать вѣрныхъ ему аборигеновъ стадами козъ, медомъ, овощами, пшеничнымъ зерномъ и сушеными плодами. Послѣдніе ежегодно выво- зились отсюда на судахъ мѣстной постройки въ Мариуполь- скій портъ для промѣна на хлѣбное зерно съ тѣми гре- ками, которые были прежде жителями Крыма и не могли обходиться безъ Крымскаго табаку, вина и другихъ про- изведеній этой страны.

Сама Ялта въ это время состояла не болѣе какъ изъ 25—30 домовъ съ маленькими дворами, которые частью за- нимались подъ уѣздныя присутственныя мѣста и казенныя учрежденія въ родѣ карантина, таможи, кордона погра- ничной стражи, почтовой станціи и вѣчно пустой боль- ницы, а всѣ остальные занимались или служащими и тор- говцами татарами, евреями и караимами, приходившими изъ ближайшихъ сосѣднихъ деревень, или харчевнями, шинками, погребами и заѣзжими дворами съ необходимыми кофейнями, въ которыхъ за пятачекъ находилъ проѣзжіе чашку кофе и ночлегъ. Для проѣзжихъ съ болѣе утончен- нымъ вкусомъ и требующихъ приличной обстановки содер- жалась въ Ялтѣ французомъ Собесъ гостиница, состоящая изъ пяти или шести отдѣльныхъ номеровъ съ рестораномъ, въ которомъ предпочиталось держать вино и сельди, лю- бимые предметы содержателя.

Естественно, что при такой обстановкѣ здѣсь не могло быть ни подраздѣленій, ни партій, ни недовольныхъ какими либо правительственными распоряженіями. Всѣ занимались своимъ дѣломъ кое-какъ, мало интересуясь государствен- ными и политическими событіями и еще меньше понимали значеніе крѣпостной реформы на томъ основаніи, что здѣсь

не было крѣпостныхъ и никому не были извѣстны тѣ истязанія, которымъ они подвергались въ Россіи. Пользуясь ненарушимымъ покоемъ и правительственною охраною ялтинцамъ только приходилось благодарить Бога, что они живутъ въ странѣ, гдѣ однимъ именемъ Государя и установленной имъ власти держится такая тишина, порядокъ и взаимная братская дружба. Понятно, что тѣ, которые были между ними попроще, предполагали, что царя не такъ созданы какъ остальные люди, что отъ нихъ исходятъ солнечныя лучи, что въ глазахъ ихъ сіяетъ божественная сила, что они не доступны для подданныхъ и т. п. Но каково же было ихъ разочарованіе, когда величественный осанкою и взглядомъ Императоръ Александръ II самымъ благосклоннымъ образомъ отвѣчалъ на ихъ почтительные поклоны, самъ заговаривалъ съ ними и охотно принималъ отъ поселянъ выносимые ему на рукахъ плоды изъ своихъ садовъ, не стараясь придавать ни голосу, ни выраженію глазъ своихъ ничего такого, которое наводило бы страхъ на подданныхъ.

Въ привычкахъ Государя также не выражалось ничего выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ явленій въ жизни отца семейства и обыкновеннаго человѣка. Живя въ верхнемъ этажѣ ничѣмъ неизмѣннаго дома Потоцкаго онъ обыкновенно пробуждался часовъ 7, а пилъ кофе около 8-ми. Затѣмъ слушалъ доклады и отдавалъ приказы. Къ полудню выходилъ гулять преимущественно по направленію къ морю, которое повидимому болѣе всего останавливало его взоры. Тѣмъ временемъ выходила на воздухъ и Государыня Императрица и садилась на избранное ею мѣсто у фонтана за церковью. Около Ея Величества всегда находились одна или двѣ фрейлины съ работою и книгою и нерѣдко выбѣгали дѣти съ игрушками. Приходилось видѣть эту семейную картину въ группѣ прекрасныхъ магнолій, кипарисовъ и лавровыхъ деревьевъ, между цвѣтами и бархатною зеленью искусственно взрошенной травы. Къ 2-мъ часамъ, а иногда и гораздо раньше Государь возвращался къ дворцу и, принимая въ объятія дѣтей, часто слѣдилъ за ихъ играми, разговаривалъ съ Императрицею и затѣмъ всѣ отправлялись къ ожидавшему ихъ завтраку въ столовую нижняго этажа, куда немедленно являлись и всѣ остальные лица, пользующіяся этимъ правомъ. Его Величество за завтракомъ, всегда почти былъ разговорчивъ и въ хорошемъ расположеніи духа.

Очень часто случалось, что послѣ завтрака предпринималась поѣздка въ окрестности, но иногда садились играть въ карты, что продолжалось часа два или три. Около 7-ми часовъ подавался обѣдъ, въ продолженіе котораго, по однажды заведенному порядку, игралъ хоръ военной музыки.

Такъ тихо и однообразно-счастливо проходила семейная жизнь нашихъ вѣнценосцевъ, которую не дерзали тревожить официальными представленіями и другими надобностями столичной жизни. Единственными чужими, но освоенными уже людьми были Мустафа и охотникъ Аметъ, которые при каждомъ появленіи привозили какой-либо подарокъ или метръ-д'отелю для царскаго стола или царскимъ дѣтямъ, а иногда лицамъ, состоявшимъ въ свитѣ или просто лакеямъ, высказывающимъ имъ благосклонность. Не стѣсняя никого и пользуясь полнымъ довѣріемъ, они чаще другихъ обращали на себя вниманіе и удостоивались разспросовъ. Люди эти, если бъ имъ вадумалось мстить кому-либо или выразить то печальное состояніе безземельныхъ татаръ, которыхъ заѣдали такъ сказать массы чиновниковъ палаты государственныхъ имуществъ и другихъ вѣдомствъ, очень легко могли бы сдѣлать многое для блага своихъ соотечественниковъ, но они совершенно основательно считали себя безправными говорить за народъ, неуполномочившій ихъ отъ себя.

Выѣздъ Августѣйшаго семейства изъ Ливадіи назначенъ 12 октября, т. е. въ лучшее время года на южномъ берегу. Всѣмъ намъ желательно было, чтобы Государь пробылъ еще по крайней мѣрѣ одинъ мѣсяцъ для личнаго убѣжденія, насколько климатъ нашего края превосходитъ сѣверный, но такъ какъ въ то время не было желѣзной дороги на югъ, а ѣхать моремъ и затѣмъ въ экипажѣ до Москвы не такъ удобно было въ осеннее время, то конечно приходилось мириться съ необходимостью.

За два дня до отъѣзда начали возить изъ Ливадіи на татарскихъ воловьихъ подводахъ царскіе сундуки, чемоданы и т. п. и сдавать ихъ на военный пароходъ.

12-го октября Императорская яхта „Тигръ“ съ двумя конвоирными паровыми судами приблизилась, насколько было возможно, къ пристани въ ожиданіи Высочайшихъ путешественниковъ, свиты и окружающихъ лицъ. Бѣдная Ялта понатужилась въ послѣдній разъ, чтобы выразить

предъ Вѣнценосцами тѣ искреннія вѣрноподданническія чувства, которыми переполнены были ихъ сердца. Убравъ флагами всю набережную улицу, а пристань краснымъ сукномъ, зеленью и букетами цвѣтовъ, всѣ жители города и 4-хъ ближайшихъ деревень съ раняго утра появились около морского берега, чтобы удостоити ся еще разъ взглянуть на Царскую семью, на благодѣтельнаго Царя, на добрую и милостивую Царицу. У всѣхъ на лицахъ замѣчалось грустное настроеніе и какъ бы ожиданіе какого-то чрезвычайнаго событія. Многіе не спускали глазъ съ Ливадской дороги, а нѣкоторые просили Бога, чтобы Онъ донесъ ихъ повелителя съ семействомъ вѣдвыми и невредимыми до столицы.

Женщины безпрестанно произносили имя Царицы, находя, что Ея Величество недостаточно еще поправилась чтобы совершить такое утомительное путешествіе. По ихъ соображеніямъ было бы необходимо Государынѣ остаться на зиму.

Тѣмъ временемъ показался на своемъ ворономъ иноходцѣ Мустафа въ нарядной, обшитой золотыми позументами курткѣ и послышался возгласъ: „Вдуть, вдуть!“

И дѣйствительно чрезъ минуту показалась коляска, съ всѣмъ извѣстными прелестными Царскими рысаками, сопровождаемая конными гвардейцами и множествомъ мѣстныхъ молодыхъ татаръ во главѣ волостного головы. Экипажъ еще находился въ 300-хъ приблизительно шагахъ, когда народъ обнажилъ голову и огласилъ воздухъ криками ура, которое не прерывалось до того времени, пока Царская семья не отплыла на далекое разстояніе отъ пристани. Народъ продолжалъ стоять, не отводя глазъ отъ „Тигра“ Точно на нихъ дѣйствовала какая-то магнитная сила, заставляющая забыть самихъ себя или точно отъ нихъ уходилъ тотъ, безъ кого они не могли существовать. Глубочайшая тишина не прерывалась ни единымъ словомъ. Но вотъ пароходъ остановилъ паръ и началъ ходъ. Многіе вторично сняли шапки и осѣнили себя крестомъ. Это была послѣдняя напутственная молитва о благополучномъ путешествіи; у другихъ показались слезы на глазахъ. Народъ разошелся только тогда, когда скрылась яхта за Ореандскимъ выступомъ. Онъ возвращался съ поникнутою головою, точно съ кладбища, похитившаго его отца, точно осиротѣвшимъ.

Съ этой минуты Ялтинскіе жители ни о комъ болѣе не вели разговоры какъ о Царской семьѣ, слѣдили за газетами и твердо надѣялись, что Ихъ Величества посѣтятъ Ливадію въ будущемъ году съ раннею весною; но ожиданіямъ этимъ не суждено было сбыться.

Сообщилъ Е. Мелюха.

(Продолженіе слѣдуетъ).

